

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ, или ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЯТОГОРЦА В РОССИИ (из истории русско-афонских связей XVII в.)

В конце восьмидесятых годов А. К. Гаврилов откликнулся на просьбу Д. С. Лихачева научить молодых аспирантов его Отдела чтению древнегреческих текстов. Занятия длились несколько лет, дружба и ученичество – уже четверть века. Общение с А. К. Гавриловым оказалось бесценным даром для целого поколения тогдашних молодых медиевистов Пушкинского Дома (к числу которых относится и автор этих строк), во многом определило их научное мировоззрение, привило особый филологический взгляд на мир. Любовь к Гоголю и симпатия Александра Константиновича к малороссийской культуре подсказали тему настоящей статьи, посвященной приключениям святогорца-малоросса в России.

В октябре 1663 г. к опальному патриарху Никону в Новый Иерусалим приехал посланец Святой горы архимандрит Феофан. Он привез московскому патриарху грамоту от 20 афонских монастырей и мощи священномученика Власия.¹ Согласно преданию, сохранявшемуся в Воскресенском монастыре, архимандрит Феофан привез Никону также копию с чудотворной иконы *Троеручицы*.² Патриарх Никон торжественно встретил гостя, умыл ему ноги и совершил вместе с ним торжественное богослужение. С иконы же *Троеручицы* стали делать списки, которые впоследствии разошлись по всей России.³

¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 8, л. 4–5.

² Г. М. Зеленская. *Святыни Нового Иерусалима* (М. 2002) 201. Согласно разысканиям Н. П. Чесноковой, копия с хиландарской иконы *Троеручицы* была доставлена в Москву летом 1661 г. иверскими монахами, но дьяки Посольского приказа не разрешили передать ее патриарху Никону без царского указа (Н. П. Чеснокова. Икона Богоматери *Троеручицы* из афонского Хиландарского монастыря для московского патриарха Никона // *VIII Филевские чтения. 16–19 февраля 2003 г.* [М. 2003] 86–88; eadem. Реликвии христианского Востока в России в сер. XVII в.: По материалам Посольского приказа // *Вестник церковной истории* 2 [2007] 91–101). Привезенная икона, по-видимому, оставалась в греческом Никольском монастыре в Москве до 1663 г., пока прибывший в Москву архимандрит Феофан не вызвался отвезти ее патриарху Никону.

³ Память о принесении архимандритом Феофаном копии чудотворной афонской иконы сохранилась в *Сказании об иконе Богородицы Троеручицы*, дошедшем

В Москву архимандрит афонского Кастамонитова монастыря прибыл в июне 1663 г., поселившись в Никольском греческом монастыре. Поездку к Никону он совершил самовольно, без разрешения царя Алексея Михайловича (который в это время желал скорейшего низложения Никона с патриаршего престола). Этот поступок вызвал недовольство царя; Феофана вызвали в Посольский приказ, и дьяк Алмаз Иванов сделал ему строгое внушение.⁴ В декабре 1663 г. Феофана обвинили в “лазутчестве” в пользу гетмана Потоцкого и сослали в Кирилло-Белозерский монастырь.

Кем же был архимандрит Феофан? И как сложилась его дальнейшая судьба?

Источники сведений об архимандрите Феофане

Сведения об архимандрите Феофане сохранились в Архиве Посольского приказа в Москве в фонде *Сношения России с Грецией* в специально заведенном на него “деле”.⁵ В 1883–1885 гг. материалы этого “дела” получили известность благодаря трудам церковных историков митрополита Макария Булгакова и Н. Ф. Каптерева.⁶ В 1886 г. “Дело об архимандрите Афонской горы Феофане” было опубликовано в *Чтениях* Общества истории и древностей Российских.⁷ В 1883 г. архимандрит Леонид Кавелин опубликовал “Рассказ архимандрита Феофана о святогорских монастырях”, написанный во время кирилловской ссылки.⁸

В 1914–1918 гг. фигура архимандрита Феофана оказалась в поле зрения С. К. Богоявленского, работавшего в Московском Главном Ар-

до нас в нескольких списках. (Загл.: *Описание о иконъ Пресвятыя Богородицы Одигитрии Троеручицы. Принесена бысть святая икона Пресвятыя Богородицы из Афонския горы архимандритомъ Феофаномъ лѣта 7172-го году мѣсяца октября въ 16 день*). Перечень их указан в работах: А. Ebbinghaus. *Die altrussischen Marienikonen-Legenden* (Slavische Veröffentlichungen 70, Berlin 1990) 63 Anm. 55; I. Bentschev. *Bibliographie der Gottesmutterikonen* (Bonn 1992) 251–253; Idem. Die “Dreihändige” Gottesmutterikone im Hilandar-Kloster auf Athos // *Hermeneia. Zeitschrift für ostkirchliche Kunst* 3 (1993) 46–52.

⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 8, л. 2–3.

⁵ Там же, д. 9 и 9 а.

⁶ Макарий (Булгаков), митроп. *История Русской Церкви*. Кн. 7. Т. 12 (М. 1996) 227–229; Н. Ф. Каптерев. *Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях* (М. 1914) 191–192.

⁷ Из рукописей Е. В. Барсова: Дело об архимандрите Афонской горы Феофане, приезжавшем в Россию за сбором и заподозренном в шпионстве 1664 г. // *ЧОИДР* 1 (1886): V, 16–30.

⁸ Леонид (Кавелин), архим. *Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина), 1663–1666* (СПб. 1883).

хиве Министерства иностранных дел. Готовя к публикации акты, связанные с осадой Соловецкого монастыря в 1668–1676 гг., он поместил среди них и челобитную соловецкой братии царю Алексею Михайловичу о побеге ссыльного афонского архимандрита Феофана с двумя его товарищами 1 октября 1668 г. и о гибели их в Белом море.⁹ Этот документ недавно был вновь опубликован О. В. Чумичевой,¹⁰ поскольку издание *Соловецких актов*, подготовленное С. К. Богоявленским, сохранилось лишь в нескольких экземплярах и большинству исследователей осталось неизвестным.¹¹

О. В. Чумичева нашла еще несколько важных документов о побеге Феофана с Соловков, но, к сожалению, неверно их интерпретировала. Она предположила, что Феофан был грек, что на Соловки он был сослан еще в 50-е гг. XVII в. (в действительности он попал туда в 1666 г.) и что он “активно участвовал” в Соловецком восстании, будучи связан со старообрядческой оппозицией реформам патриарха Никона.¹² Она предположила также, что Феофан бежал с Соловков для того, чтобы “распространять в Поморье или еще шире идеи восстания”.¹³ Все эти ошибочные догадки связаны с непониманием того, что среди сосланных на Соловки “греков” и “киевлян” не было, да и не могло быть, “старообрядцев”, т. е. последователей церковного обряда московского образца.

Особую известность имя архимандрита Феофана приобрело в связи с греческой *Псалтырью* Максима Грека (РНБ, Соф., № 78), которую Феофан читал в библиотеке Кириллова монастыря и колофон которой перевел на церковнославянский язык.¹⁴ Впервые об этой книге и колофоне Максима Грека упомянул известный библиограф митропо-

⁹ *Соловецкие акты* (Б. м., б. г.) 111–112.

¹⁰ О. В. Чумичева. *Соловецкое восстание (1667–1676 гг.)* (Новосибирск 1998) 191.

¹¹ Типография, в которой были набраны *Соловецкие акты*, была закрыта в 1918 г. из-за разрухи и гражданской войны, а уже набранные чистые листы переданы в Археографическую комиссию (см.: *ЛЗАК за 1919–1924 гг.* 32 [Пг. 1923] 8–9, 26). Отдельные экземпляры этого издания сохранились в крупнейших научных библиотеках страны. Один из них находится в библиотеке Института русской литературы РАН (куда он был передан в составе личной библиотеки писателя А. П. Чапыгина), другой, как сообщила мне Е. М. Юхименко, хранится в библиотеке РГГУ.

¹² Чумичева (прим. 10) 60, 164.

¹³ Там же, 61.

¹⁴ *Псалтырь* Максима Грека привез в Кириллов монастырь священник Сильвестр (знаменитый автор *Домостроя*), который принял там постриг в 1560 г. (см.: Н. Н. Розов. Библиотека Сильвестра (XVI век) // *Исследования источников по истории русского языка и письменности* [М. 1966] 191–205).

лит Евгений Болховитинов.¹⁵ В дальнейшем Псалтырь Максима Грека привлекала внимание многих исследователей. В 1880 г. ее археографическое описание выполнил архимандрит Амфилохий, затем в 1882 г. — А. С. Родосский.¹⁶ Анализом ее почерков занимались архим. Амфилохий, Б. Л. Фонкич и Н. В. Сеницына;¹⁷ изучением глосс и записей лингвистического характера (рядов греческих омофонов, таблиц склонения артиклей и местоимений, рядов синонимов) — Л. С. Ковтун.¹⁸

Особое внимание исследованию записи Максима Грека и ее переводу уделил Б. Л. Фонкич.¹⁹ Приведем оба текста (рис. 1).*

Вверху листа рукой Максима Грека написано киноварью:

† Ἐγράφη τὸ παρὸν Ψαλτήριον ἐν πόλει Τφέρῃ χειρὶ πόνῳ μοναχοῦ
τινος ἀγιορείτου βατοπεδηνοῦ Μαξίμου τοῦνομα, κατὰ τὸ μῆ^{ον} ἔτος
τῆς ὀγδόης χιλιοστούς, ἀναλώμασι Βενιαμὶν τοῦ εὐλαβεστάτου
ἱεροδιακόνου καὶ ἱεροφύλακος τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου Τφέρης
κυρίου Ἀκακίου. Οἱ ἀναγινώσκοντες μὴ καταγινώσκετε τοῦ γρά-
ψαντος, εἴ που τὶ τῆς ὑγιοῦς γραφῆς ἤμαρται αὐτῷ, ἀνθρώπινον γὰρ
τὸ ἁμαρτάνειν καὶ κοινὸν ἀτύχημα. Ἐρρώσθε ἐν κυρίῳ καὶ εὐχεσθε
ὕπερ ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ. †

Ниже помещен перевод этой записи на церковнославянский язык (выполненный почерком архимандрита Феофана):

† Толкование подписи Максима Грека и святогорца, инока обители
Ватопедский. Написася сия Псалтирь во градѣ Твери рукою и болѣз-
нию монаха нѣкоего святогорца монастыря Ватопедскаго, именемъ
Максима, во время убо оно текущи лѣту седмой тысящи наворачаемѣй,

¹⁵ Евгений (Болховитинов), митрополит. *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви* II (СПб. 1827) 39–40.

¹⁶ Амфилохий, архим. *Палеографическое описание греческих рукописей XV–XVII века определенных лет* (М. 1880) 4, 52–55, табл. XVI; А. С. Родосский. К материалам для истории славяно-русской библиографии. 3. Автограф преп. Максима Грека // *Христианское чтение* 2 (1882): 9–10, 609–615.

¹⁷ Амфилохий, архим. *Указ. соч.*, 52–55, табл. XVI; Б. Л. Фонкич. Русский автограф Максима Грека // *История СССР* (1971): 3, 153–158; Н. В. Сеницына. *Максим Грек в России* (М. 1977) 28–43, 71 рис. 6–9.

¹⁸ Л. С. Ковтун. *Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в.* (Л. 1975) 25–35.

¹⁹ Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека // *Byzantinoslavica* 1 (1961) 79–81; idem. *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России* (М. 1977) 45–47, 49.

* Благодарю сотрудников Лаборатории кодикологических исследований РНБ Д. О. Цыпкина и Е. А. Ляховицкого за цифровое воспроизведение автографов архимандрита Феофана и их палеографическую экспертизу.

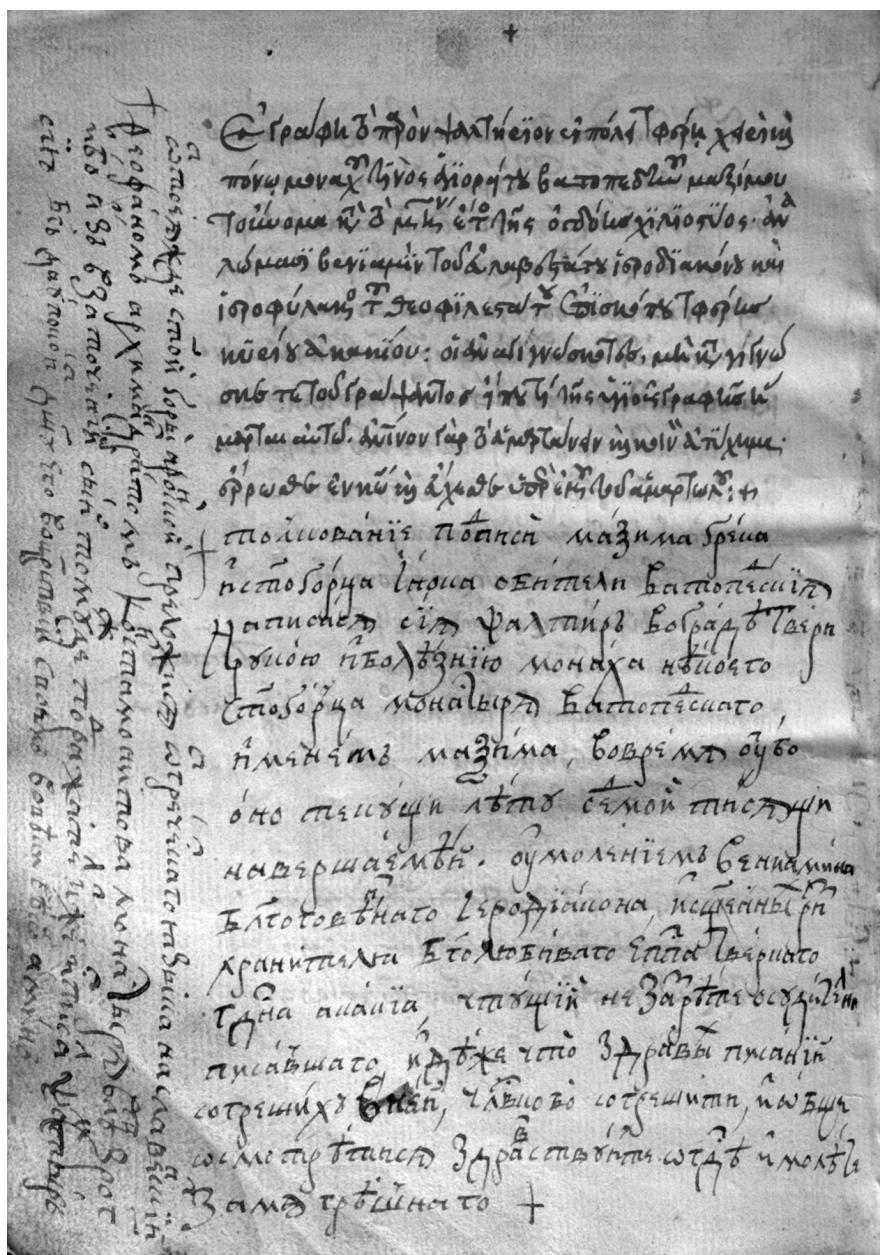

Рис. 1. Колофон *Псалтыри* Максима Грека
и перевод, сделанный архимандритом Феофаном
(РНБ, Соф. № 78)

умолениемъ Вениамина, благоговѣннаго иеродиакона и священныхъ риз хранителя боголюбиваго епископа Тверскаго господина Акакиа. Чтущии не зазрѣте осудительно писавшаго, идѣже что здравыхъ писаний согрѣшихъ въ ней, человѣческо бо согрешити, и обще осмотрѣтися. Здравствуйте о Господѣ и молѣте за мя грѣшнаго †.²⁰

Слева на поле того же листа переводчик сделал приписку и о себе:

† От тояжде Святой горы Афонской преложися от греческаго языка на славенский Феофаномъ, архимандритомъ Констамонитова монастыря, в лѣто 7173 [1665], ибо азъ, в заточении сый, томужде подражатель, иже исписал Псалтырь сию, Богъ да упокоит душу его во Царствии своемъ во вѣки вѣков, аминь.

Как видим из содержания этой приписки, святогорец Феофан вполне осознанно уподоблял себя святогорцу Максиму Греку, называя себя его “подражателем”.²¹

Б. Л. Фонкич высказал предположение, что во время ссылки в Кириллов монастырь Феофан сделал для себя список с греческой *Псалтыри* Максима Грека.²² Он исходил из того, что в “Росписи рухляди архимандрита Феофана”, увезенной им впоследствии в Соловецкий монастырь, действительно имелась “книга Псалтырь письменная, погречески, в четь”.²³ Но как показывают неизвестные ранее архивные материалы, греческая *Псалтырь* форматом “в четверть” уже изначально числилась среди книг, привезенных архимандритом Феофаном в кирилловскую ссылку – и, значит, не была им там переписана.²⁴

Вновь найденные архивные источники, относящиеся к “делу” архимандрита Феофана, хранятся в РГАДА, в фонде Ф. Ф. Мазурина (ф. 196, оп. 2, д. 71).²⁵ Они представляют собой комплекс документов, проис-

²⁰ Перевод Феофана показывает, что, будучи славянином, он не понял в греческом тексте отдельных слов. На это обращали внимание архим. Амфилохий (прим. 16) 54 и Б. Л. Фонкич (прим. 19) 45.

²¹ О принципе “уподобления” в литературе Древней Руси см.: О. В. Панченко. Поэтика уподоблений в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии // *Hyperboreus* 9 (2003): 1, 181–190.

²² Б. Л. Фонкич. Греческое книгописание в России в XVII в. // *Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования* (СПб. 1994) 40–41.

²³ Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 29.

²⁴ Греческая *Псалтырь* форматом “в четверть” указана в *Росписи рухляди присыльного архимандрита Феофана*, привезенной им в Кириллов монастырь в декабре 1663 г.: “Псалтыри греческие: одна в четверть, другая [доб. над строкой: Псалтырь мутьянская. – О. П.] в осминку, слѣдованиємъ” (РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 5).

²⁵ На это “дело” указала мне А. А. Сошина, сотрудница Церковно-археологического кабинета Соловецкого монастыря, которой я приношу искреннюю благодарность.

ходящих из Кириллова монастыря, связанных с пребыванием в нем архимандрита Феофана.²⁶ Среди кирилловских документов (общим числом 18 ед.) сохранились черновики челобитных и “отписок”, отправлявшихся монастырскими властями в Москву, которые содержат уникальные подробности о пребывании афонского архимандрита в монастыре; есть среди них и несколько автографов самого Феофана.

Кроме того, в Синодальном собрании грамот ГИМ мне удалось разыскать челобитную архимандрита Феофана к патриарху Никону, посланную из Кириллова монастыря.²⁷ В ней он сообщает о причинах постигшей его опалы, которую связывает с незнанием обычаев этой страны и закулисной деятельностью его личного врага Паисия Лигарида. В приписке к своей челобитной он сообщает о посылке Никону трех кипарисовых крестов, которые вырезал, отгоняя “уныние и скорбь”, своими руками.

Помимо архивных поисков мной были проведены разыскания в рукописных собраниях двух монастырских библиотек – Кирилловской и Соловецкой, которые увенчались несколькими находками. В сборнике, принадлежавшем кирилловскому келарю Матфею Никифорову (РНБ, Соф. № 1103),²⁸ покровительствовавшему Феофану во время его ссылки, были найдены два сочинения святогорца: *Рассказ о святогорских монастырях* (л. 144–170 об.), уже известный по публикации архим. Леонида,²⁹ и не известное ранее *Изложение богослужебного устава Святой горы* (л. 171–271).³⁰ Еще в одной кирилловской рукописи, принадлежавшей ранее священнику Сильвестру, была обнаружена запись архимандрита Феофана о прочтении им этой книги в 1665 г. и о возвращении ее в монастырскую казну (РНБ, Соф. № 1375, л. 533 а).³¹

²⁶ Другой комплекс документов, известный исследователям с 80-х гг. XIX в., как уже было отмечено, происходит из архива Посольского приказа (РГАДА, ф. 52 [*Сношения России с Грецией*], оп. 1, 1663 г., д. 8, 9, 9 а).

²⁷ Об этой грамоте упоминает митрополит Макарий в *Истории русской церкви* (Макарий [см. прим. 6] 422, 546), ссылаясь на старый ее шифр (Моск. Синодальной библиотеки, № 6). Благодарю главного научного сотрудника ГИМ Е. М. Юхименко за помощь в разыскании этой грамоты.

²⁸ На обрезах переплета книги читается надпись: “Святцы Матфея Никифорова”.

²⁹ См. прим. 8.

³⁰ Нач.: “Во 172-м [1663/64] году ис Палестины Афонские горы Констомонитова монастыря архимандритъ Феофанъ да старецъ Васьянъ были в Кириловъ монастырь в сылке и сказывали о церковном чину, какъ у них бываетъ в Афонской горѣ в монастырьхъ” (РНБ, Соф. № 1103, л. 172).

³¹ О происхождении этой книги из библиотеки священника Сильвестра свидетельствует запись на I-м листе: “Мѣсяць май Селеверстовская” (РНБ, Соф. № 1375, л. I).

Среди соловецких рукописей обнаружить сочинений Феофана, к сожалению, не удалось. В сборнике, принадлежавшем священноиноку Геронтию (одному из главных идеологов соловецких старообрядцев), сохранилось лишь упоминание еще об одном сочинении Феофана – *Сказании о грехах*, – которое, однако, в составе самого сборника не сохранилось.³² В *Псалтыри* следованной (РНБ, Сол. № 769/879) сохранился рисунок, сделанный архимандритом Феофаном в соловецкой тюрьме, с подписью “Печать царя Соломона” (рис. 2, см. о нем ниже). На переплетных листах другой рукописи – *Скитского патерика* (РНБ, Сол. № 648/706) – встретились материалы карельско-русского “словаря”, который архимандрит Феофан составлял, сидя в соловецкой тюрьме (рис. 5).

Литературное наследие афонского писателя, перу которого принадлежат, по меньшей мере, два сочинения о Святой горе, написанные в кирилловской ссылке, заслуживает отдельного исследования. Надеюсь выполнить такое исследование в дальнейшем, в настоящей статье постараемся воссоздать биографию Феофана.³³

Опыт реконструкции биографии Феофана

Архимандрит Феофан был личностью весьма одаренной. Он знал не менее пяти языков, писал иконы, вырезал, по афонскому обычаю, кресты, владел даром певческого искусства. Ко времени приезда в Россию ему было, судя по сведениям Посольского приказа, около 35 лет. В грамоте, разосланной после его побега из Кириллова во все “порубежные” города, в качестве его особых примет сообщалось следующее: “Архимарить Феофан – возрастомъ [т. е. ростом. – О. П.] немаль, и в лицѣ нескудень, уса и бороды у него нѣтъ, а рѣчью словесен, и языком греческим, турским, и волоским, и польским навычен, а лѣтъ, сказывал, 35”.³⁴ К указанным в грамоте 4-м языкам следовало бы, по-видимому, добавить еще и латинский, поскольку среди

³² РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 706. На л. 194 об. этого сборника сделана приписка: “О них же, грехах, *Сказание Феофана, архимарита Святогорского*, писано в сей книге после всего от задней цки” (л. 194 об.). Судя по этой приписке, читающейся после *Хождения Арсения Суханова*, *Сказанием* архимандрита Феофана этот сборник первоначально и заканчивался.

³³ Об архимандрите Феофане как о писателе упоминает К.-Д. Зеemann в своей монографии, посвященной древнерусской паломнической литературе (К.-D. Seemann. *Die altrussische Wallfahrtsliteratur* [München 1976] 306, 461), однако о нем нет отдельной статьи в *Словаре книжников и книжности Древней Руси*.

³⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 59. Ср.: Леонид (Кавелин), архим. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706) // *РИБ* 5 (СПб. 1878) 551–552, № 207.

книг келейной библиотеки Феофана имелась “Библия латинская въ полдесть”.³⁵

О его выдающейся способности к языкам говорит и то, что, сидя в соловецкой тюрьме, он начал составлять, готовясь к побегу, карельско-русский словарь. О его художественной одаренности свидетельствует то, что среди икон, привезенных им с Афона, имелась одна, написанная самим Феофаном (“Образ архидиакона Стефана да мучеников Георгия и Димитрия в подножие, написах архимандрит Феофан”).³⁶ О владении им техникой певческого искусства можно судить по тому, что во время кирилловской ссылки он обучал греческим распевам местных клирошан.

Деятельность Феофана до приезда в Россию была связана с Украиной, Молдавией и Афоном; в России же – с Никольским греческим монастырем в Москве и с тремя знаменитыми обителями: Новым Иерусалимом, Кирилловым и Соловками. Достоверных сведений о его происхождении не сохранилось. Архимандрит Леонид (Кавелин) назвал Феофана сербом, но не привел в подтверждение никаких доказательств.³⁷ Митрополит Макарий Булгаков, исследовавший “дело” Феофана в архиве Посольского приказа, считал его “белорусцем” (что, впрочем, не совсем точно).³⁸ Он опирался на свидетельство архимандрита афонского монастыря Святого Павла Иоаникия, который в своей челобитной царю от 9 августа 1665 г. сообщал о Феофане, что “он родом не тамошних стран, белорусец”.³⁹ В действительности же Феофан был, по-видимому, малороссом, о чем свидетельствует митрополит Газский Паисий Лигарид (“А и то де митрополит слышал, что он не греческой породы, а уроженец черкасских казаков”).⁴⁰

Об украинском происхождении Феофана мы можем судить и по его языку, в котором встречаются украинизмы. В *Рассказе о святогорских монастырях* он пишет вместо “оскорбили” – “образили”;⁴¹ в многочисленных письмах и челобитных использует украинские слова: “нехай” (русс. “пусть”), “велицеласкавый пане” (“многотило-

³⁵ См. *Роспись рухляди архимандрита Феофана* в статье: Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 29.

³⁶ *Роспись по скаске архимандрита Феофана и келаря старца Васьяна Константинова монастыря церковной утваре и казнь и рухляде* (РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 41).

³⁷ См. прим. 8.

³⁸ Макарий (см. прим. 6) 227.

³⁹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 35.

⁴⁰ Там же, л. 13; Каптерев (см. прим. 6) 191–192 прим. 2.

⁴¹ “И сокровище, еже образили, взяли в монастырь” (Леонид [см. прим. 8] 9). Речь идет о кладе, найденном пастухом, и отнятом у него двумя монахами из монастыря Дохиар, оскорбившими дар Божий.

стивый господин”), “вязание” (“заточение”), “не чинят” (“не творят”), “лист” (“письмо”), “вызволили” (“освободили”).⁴² Украинизмы проявляются и в языковых особенностях его речи (фонетических, морфологических, синтаксических), отразившихся на письме: “що”, “щоб”, “чим” (русс. “чем”), “монастыриву” (русс. “монастырю”), “сказувати”, “з Ярославля”, “с Кирилова монастиря”, “высвободили”, “до пана гетмана”, “у приказѣ”.⁴³

Образование Феофан получил, по-видимому, в одной из православных коллегий на Украине или в Молдавии (существовавших в то время в Киеве, Кременце, Гощи и Яссах).

Известно, что в конце 50-х – нач. 60-х гг. XVII в. Феофан жил в Яссах при дворе правителя Молдавии. Он был духовником юного господаря Стефаницы Лупу (сестра которого была замужем за сыном гетмана Украины Богдана Хмельницкого). Об этом сообщает его недруг Паисий Лигарид, который и сам в 50-е гг. XVII в. проживал при дворе господаря Валахии: “А какъ де онъ [Феофан. – О. П.] жилъ у волоскаго владѣтеля, Васильева сына, у Стефана воеводы въ крестовыхъ попахъ, и онъ де ему, митрополиту [Паисию Лигариду. – О. П.], какъ онъ ѣхалъ къ великому государю, много пакости чинилъ”.⁴⁴ Враждебность Феофана к Лигариду объяснялась, конечно, тем, что ему хорошо было известно о тайном латинстве митрополита Газского, сумевшего лестью получить сан от Иерусалимского патриарха. В своем письме к патриарху Никону, написанному из кирилловской ссылки, Феофан называет Паисия не иначе как “Газским проклятым еретиком”.⁴⁵

Во время пребывания Феофана в Молдавии среди духовных чад его была Анна Могила, дочь бывшего молдавского господаря Иеремии и двоюродная сестра митрополита Киевского Петра Могилы. В конце 1650-х гг. она вышла замуж за коронного гетмана Речи Посполитой Станислава Потоцкого. Через несколько лет, когда Феофан оказался в России, известие о том, что он был духовником жены гетмана Потоцкого, послужило одной из главных улик для обвинения его в “лазутчестве”.

⁴² РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 50–53.

⁴³ Там же, л. 50–53, 57, 99.

⁴⁴ Там же, л. 13.

⁴⁵ ГИМ, Синод. собр. грамот № 1070. О Паисии Лигариде см.: Каптерев (см. прим. 6) 181–207; Л. Лавровский. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского // *Христианское чтение* (1889): 11–12, 672–736; П. Пирлинг. Паисий Лигарид: Дополнительные сведения из римских архивов // *Русская старина* 109 (1902) 337–351; Е. Ф. Шмурло. Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // *Труды V съезда русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 года* 1 (София 1932) 532–588.

В Москву он приехал в июле 1663 г.⁴⁶ Вместе с ним прибыли келарь Кастамонитова монастыря грек Вассиан с монастырской казною, волошанин дьякон Самуил и два украинца: дьякон Паисий и служка Иван. Оба дьякона и служка пристали к Феофану в пути, который пролегал через Яссы, Львов, Бучач (имение Потоцких на Подолье), Киев, Переяславль. С собой Феофан привез путивльского казака Терентия Шестакова, выкупленного им из плена.⁴⁷

Проведя 3 месяца в Москве, он совершил тайную поездку к патриарху Никону в Новый Иерусалим, что и положило начало всем его последующим неприятностям. Во время их встречи в октябре 1663 г. Феофан передал Никону книгу униатского миссионера Неофита Родина, изданную Паисием Лигаридом в Риме, которая серьезно компрометировала восточного иерарха в глазах православных москвитов.⁴⁸ Книга была издана Пантелеимоном Лигаридом (таково было мирское имя будущего Газского митрополита) в Конгрегации Пропagанды веры с посвящением кардиналу Франциску Барберини, племяннику папы Урбана VIII.⁴⁹ Теперь же этот тайный иезуит, выпускник греческой коллегии св. Афанасия в Риме был призван судить Московского патриарха.⁵⁰

Никон незамедлительно воспользовался столь важной для него уликой. О книге, привезенной ему архимандритом Феофаном, он написал в своих *Возражениях на ответы Паисия Лигарида*, сославшись при этом и на некоторые другие сведения, которые сообщил ему афонский архимандрит: “Неции же о нем повествуют, яко несть православныя св. Восточныя Церкви, но Западныя, Римскаго Костела. У папы был 30 лет дьяконом, и в мутьянах-де был многое время, и вельми на-сеян римския ереси. <...> Да на него свидетельство привез св. Афонския горы монастыря Констинова архимандрит Феофан — книжицу “Толкование на “Величит душа моя Господа”, а та книжица друкована в Риме, и в ней имя его, Паисиево, есть мирское”.⁵¹

Своей неприязни к Паисию Лигариду архимандрит Феофан, по-видимому, не скрывал и в беседах с московскими вельможами, приглашавшими его в свои дома. Чтобы опорочить столь неприятного ему обличителя, Паисий Лигарид тайно распустил слухи о нем, будто тот

⁴⁶ РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 14.

⁴⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9, л. 3; Фонкич (см. прим. 22) 41.

⁴⁸ Νεοφύτου Ροδίνου. Ἐξήγησις εἰς τὴν ὥδην τῆς Θεοτόκου τοῦτέστιν εἰς τὸ Μεγαλύνει ἡ ψυχὴ μου τὸν Κύριον... (Romae, Typis et impensis sacr. Congr. de Propaganda Fide 1637).

⁴⁹ Лавровский (см. прим. 45) 714–715.

⁵⁰ Шмурло (см. прим. 45) 532–588.

⁵¹ Макарий (см. прим. 6) 421–422 прим. 25.

является “лазутчиком” гетмана Потоцкого, приехавшим в Москву для сбора сведений “о государевых ратных людях”. Он припомнил, что Феофан был духовником жены гетмана С. Потоцкого; что путь его в Москву пролегал через замок Потоцких на Волыни, где проживала его духовная дочь, через Львов и другие “польские города”, где святогорский архимандрит получал на содержание “королевского жалованья по ефимку на день”; а также и то, что Феофан был родом из “черкассских казаков”, воевавших теперь на стороне гетмана Потоцкого.⁵² Паисий Лигарид не преминул донести русским властям и о том, что, находясь в Москве, архимандрит Феофан “поздно ввечеру и с утра рано с монастыря один сходил невѣдомо куда, и в новой Немецкой слободе был”.⁵³

В “деле” архимандрита Феофана имеется несомненное свидетельство о том, что донос на него был подготовлен Газским митрополитом и его ближайшим окружением. Ссылка на это содержится в справке Посольского приказа, подготовленной для доклада царю:

...а греческия власти и греченя, которыя в то время были на Москвѣ, сказали, что он, архимарить Феофан, былъ у полского короля, и жил у гетмана Потоцкого, и женѣ ево былъ отцемъ духовнымъ, и гетман отпустил ево к Москве для разсмотренья государевыхъ ратныхъ людей и провѣдыванія всякихъ вестей.⁵⁴

Как следует из материалов “дела” Феофана, никаких оснований для обвинения его в шпионаже не было. В вину ему были поставлены все прошлые прегрешения: самовольная поездка к патриарху Никону; а также то, что он не сообщил в Посольском приказе о грамотах, которые привез из Святой горы; и то, что “на трапезе с патриархом многие рѣчи говорил”; “и у мирских людей в домех будучи, <...> многие рѣчи говорил же”; и что служил литургию в приходских церквях, не спросив царского позволения.⁵⁵

Но особое подозрение вызвали настойчивые просьбы Феофана отпустить его на Афон, с которыми он стал регулярно являться в Посольский приказ после поездки к патриарху Никону. Когда же ему было указано, что на Правобережной Украине около Киева объявились неприятели московского царя – “полские и литовские люди, и ляхи, и татарове” – и что теперь не время просить об отъезде, Феофан опрометчиво заявил, что ему “полские и литовские люди и татарове не

⁵² РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 12–13.

⁵³ Там же, л. 12.

⁵⁴ Там же, л. 58.

⁵⁵ Там же, л. 10–12.

страшны”, и продолжил “докучать” просьбами об отъезде.⁵⁶ Этим он окончательно уверил посольских дьяков в их подозрении.⁵⁷

Впрочем, Паисий Лигарид ввел в заблуждение не одних только дьяков Посольского приказа. Ему поверил и выдающийся историк Русской церкви митрополит Макарий Булгаков, который воспроизвел в своем труде версию о мнимом “лазутчестве” архимандрита Феофана без должной исторической критики.⁵⁸

Отметим, что сам Феофан вполне ясно осознавал истинные причины царской опалы и своей ссылки в Кириллов монастырь. Об этом он писал в письме к патриарху Никону из кирилловской ссылки: “Не вѣдахомъ обычая сея землѣ и тайно бѣхъ у твоего великаго святительства. И за сие хождение прияхъ нынѣ заточение и наругание, и наречен быхъ азъ от Алмаза прелагатай и исходникъ. “Смущаеши, – рече, – осудареву землю, и самого, – рече, – осудара во небрежении имѣеши”. И сице оттолѣ ожидаху времени соперники мои Газский проклятый еретикъ и с соковники своими, и тако заточению предаша”.⁵⁹

11 марта 1663 г. в Посольском приказе был подготовлен государев указ о ссылке архимандрита Феофана в Кириллов монастырь.⁶⁰ Узнав об этом, архимандрит Феофан попытался бежать из монастыря в чужом платье, но был схвачен подьячим Иваном Истоминым и присланными с ним стрельцами. По словам жившего в греческом монастыре сербского митрополита Феодосия, Феофан только рукой махнул и сказал в отчаянии: “Пошол-де я на Соловки”.⁶¹

Но место его ссылки оказалось не столь отдаленным, и Феофан был выслан в Кириллов монастырь.⁶² По пути в ссылку он отправил из Ярославля письмо патриарху Никону с просьбой, чтобы тот написал о нем царскому духовнику Лукьяну Кирилловичу и ближнему советнику государя Федору Михайловичу Ртищеву с просьбой заступиться за

⁵⁶ Там же, л. 11.

⁵⁷ О крайней подозрительности русских к иноземцам пишут многие путешественники XVII в. См., например, записки сирийского дьякона Павла Алеппского (*Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским*, пер. с арабского Г. Муркоса 2 [М. 1897] 104).

⁵⁸ Макарий (см. прим. 6) 227–229.

⁵⁹ ГИМ, Синод. собр. грамот № 1070. В 1665–1666 гг. патриарх Никон послал несколько грамот (все они были перехвачены) к четырем вселенским патриархам, в которых называл афонского архимандрита Феофана в числе своих сторонников, оказавшихся из-за него в заточении (см.: С. К. Севастьянова. *Эпистолярное наследие патриарха Никона* [М. 2007] 626).

⁶⁰ Черновик указа сохранился в “деле” архимандрита Феофана (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 7–9).

⁶¹ Там же, л. 15.

⁶² Там же, л. 10.

него.⁶³ Еще два письма он отправил некоему “пану Яремовичу, педагогу детей епископовых”, чтобы тот известил о Феофане местоблюстителя Киевской митрополии епископа Мефодия, а тот написал бы “лист” об освобождении его к “пану гетману” (Ивану Брюховецкому) и к “пану судья” (Петру Забеле) и к Ф. М. Ртищеву.⁶⁴ Наконец, еще одно послание было адресовано им некоему иеродьякону Арсению с просьбой написать “листы” все к тому же заступнику малороссов Ф. М. Ртищеву, и к епископу Мефодию, и к гетману Ивану Брюховецкому (“через тые козаки, що есть из Запорожья”).⁶⁵ Все эти письма были посланы Феофаном на имя патриарха Никона, но, по-видимому, до остальных адресатов так и не дошли.

К счастью для Феофана, условия ссылки его в Кириллов монастырь были не слишком строгими. В царской грамоте, посланной властям Кириллова монастыря 18 марта 1664 г., повелевалось не стеснять афонского архимандрита и относиться к нему с почтением:

И вы б тому архимандриту Феофану сказали наше, великого государя, милостивое слово, чтоб онъ не оскорблялся; велено ему у вас в Кирилловъ монастырь не за опалу побыть. И велѣли ему почестъ чинить по монастырьскому чину, и пищу и питьѣ давати ему противу дву братьев довольно; и тесноты ему и братѣ его, которые съ ним сосланы, и никакова оскорбления чинити не велѣли.⁶⁶

Следуя царскому указу, в Кирилловом монастыре архимандриту Феофану оказывали все почести, подобающие его сану. В церкви он служил в архимандричьем облачении, с митрой на голове, украшенной золоченными херувимами. В повседневной жизни дружил с бывшим монастырским келарем Матфеем Никифоровым.⁶⁷ По его просьбе он написал *Рассказ о святогорских монастырях*⁶⁸ и *Изложение богослужебного устава Святой горы*, которое дошло до нас в единственном списке, принадлежавшем Матфею Никифорову (РНБ, Соф. № 1103).⁶⁹

Как отметил Д.-К. Зееман, в *Рассказе о святогорских монастырях* Феофан сообщает, кому посвящен главный собор каждого из мона-

⁶³ Там же, л. 50.

⁶⁴ Там же, л. 51–52.

⁶⁵ Там же, л. 53.

⁶⁶ РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 7–8.

⁶⁷ О кирилловском келаре Матфее Никифорове см.: З. В. Дмитриева. *Вытнны и отписные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.* (СПб. 2003) 140–163.

⁶⁸ Сборники, включающие *Рассказ архимандрита Феофана о святогорских монастырях*, указаны в кн.: Seemann (см. прим. 33) 461.

⁶⁹ О сборнике Соф. № 1103 см.: Дмитриева (см. прим. 67) 154.

стырей, сколько в нем келий и пещер, кто был их основателем. Но главное внимание он обращает на святыни, хранящиеся в афонских обителях, перечисляя, какие в них находятся чудотворные иконы и мощи святых.⁷⁰ Благодаря этому сочинение Феофана значительно превосходит по полноте все прочие описания Святой горы, бытовавшие в русской книжности XVII в. Между прочим Феофан сообщает и о книжных сокровищах святогорских монастырей: упоминает о том, что в монастыре Есфигмен находилось, по словам книгохранителей, около 9000 пергаменных книг.

Второе сочинение Феофана – *Изложение богослужебного устава Святой горы* – состоит из 12 глав, в которых описаны особенности богослужения в афонских монастырях: малой и великой вечерни, утрени, литургии, литии, а также ряд чинопоследований: монашеского пострижения, елеосвящения над болящим братом, иноческого погребения и крестного хождения вокруг монастыря.

Представление о стиле этого сочинения можно составить по небольшому фрагменту, в котором святогорец весьма иронично изображает принятый у русских обычай петь величание святому перед его иконой в центре храма:

Величания же в наших греческих и старословенских [монастырях. – О. П.] во Святѣй горѣ нѣсть, и не поют, ниже аналоя поставляют, якоже здѣ. Мнит ми ся, яко от своего высокоумнаго обычая и челоуѣкоугодия, а не богоугодия сие позорище. Облекшеся, окружать, обыдут аналой и стоят облеченны, аки фелоне хотяще продати; позорствуются мирови, ничтоже чтуще, ниже поюще, но яко болваны стояще. Смѣху подобно и уставу наругательно есть.⁷¹

Очевидно, во время пребывания в Кирилловой обители архимандрит Феофан имел возможность свободно пользоваться книгами из монастырской библиотеки. В июне 1665 г. он прочитал взятый в библиотеке майский том четых миней, содержащий *Житие Феодосия Печерского* и *Киево-Печерский патерик* (РНБ, Соф. № 1375). В конце книги он оставил две записи о том, когда он закончил чтение и когда возвратил книгу в монастырскую библиотеку.

В конце июня 1665 г. произошло событие, которое привело Феофана в совершенное смятение. После настойчивых обращений к царю греческих иерархов, остававшихся в Москве, царь повелел возвратить из Кириллова монастыря афонского келаря Вассиана вместе со всей монастырской казной, чтобы затем отправить казну Кастамонитова монастыря на Афон. Но архимандриту Феофану царь повелел

⁷⁰ Seemann (см. прим. 33) 306.

⁷¹ РНБ, Соф. № 1103, л. 197–197 об.

“до государеву указу побыть в Кирилове монастырь”.⁷² Понимая, что после отъезда его спутника с монастырской казной надежды его на освобождение станут совсем призрачными, архимандрит Феофан уговорил келаря Вассиана не покидать его, сказавшись больным. Но 2 октября 1665 г. из Посольского приказа пришло новое повеление отправить афонского келаря с казною в Москву.⁷³

В тот же день дьякон Моисей, один из кирилловской братии, сообщил Феофану, что слышал в келье у тамошнего архимандрита, что Феофану ждать нечего и что теперь его закуют. Он рассказал, что и раньше слышал такие же речи на кирилловском подворье в Москве.⁷⁴ Посоветовав Феофану бежать, Моисей научил его, как перелезть через крепостную стену и в каком направлении идти. Вместе с афонским архимандритом вызвались бежать еще два ссыльных киевлянина – черный поп Анатолий и монах Киево-Печерского монастыря Мирон. Готовясь к побегу, они, по словам тюремного сторожа Ферапонта, “сѣдели много время и лошки дѣлали, и говорили меж себя по своему языку невѣдомо что”.⁷⁵

Но бежать Феофану пришлось одному. В ночь на 7 октября 1665 г., выломав окно задней кельи, он перелез по веревке через старую крепостную стену.⁷⁶ В материалах “дела” архимандрита Феофана сохранились подробности его путешествия: как он шел по ночам, ориентируясь по звездам, в надежде добраться по реке Шексне до Новгорода, а оттуда – в Иверский монастырь (находившийся под управлением патриарха Никона).⁷⁷ Сохранились сведения о поимке его тремя крестьянами Рукиной слободки, которые, однако, получив от него мешочек с деньгами, перевезли его через реку, снабдили огнивом и посохом, рассказали, где находятся заставы для его поимки, и указали путь к Спасо-Каменному монастырю.⁷⁸

⁷² РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 19, 21.

⁷³ Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 21.

⁷⁴ РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 31.

⁷⁵ Там же, л. 23. Судя по переписке монастырских властей, в Кирилловом монастыре было 6 ссыльных малороссов, которые не отличались смиренным нравом: “А нынѣ тѣхъ ссыльныхъ иноземцовъ 6 человекъ, и межъ собою по своему языку знаютъ и умышляютъ всѣ о побѣгѣ, подь началомъ жить не хотятъ” (Из рукописей Е. В. Барсова [см. прим. 7] 24).

⁷⁶ “А с собою он взял книгу Псалтырь со вослѣдованием в четъ, да грамоту ставленую, печать вислая на красном воску, пиногеръ [трут. – О. П.] с огнивомъ, рукавицы исподка вязанные, коты, мешечик холщевой с сухарями, осмнатцать золотых, один в них двойной, денег 5 рублевъ 17 алтын 2 денги, панагея мѣдная невелика, на ней киотец свинцовой, гребень роговой” (РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 28).

⁷⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 58; Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 23.

⁷⁸ РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 29.

Но побег оказался неудачным: через 10 дней Феофана поймали в устье реки Кубены крестьяне Подольного монастыря и 18 октября привезли назад в Кириллов монастырь.⁷⁹ Здесь Феофан написал исполненное горечи письмо келарю Матфею Никифорову, в котором рассказал, как и по чьему научению бежал из монастыря.⁸⁰

После поимки Феофан пообещал уморить себя голодом;⁸¹ но потом, надеясь попасть в Москву, “сказал за собой слово государево”.⁸² Он просил дать ему в столице очную ставку с архимандритами трех афонских монастырей (Святого Павла, Ватопеда и Есфигмену), прибывших в Москву за милостыней, которые могли бы за него поручиться.⁸³

11 декабря 1665 г. кирилловские власти с огромным для себя облегчением отправили Феофана по царскому указу в Соловецкий монастырь.⁸⁴ В своих письмах в Москву они доносили о нем, что “человѣкъ он лютой, не в крѣпи ему быть нелзя”.⁸⁵

5 июля 1666 г. об освобождении ссыльного архимандрита ходатайствовал собор афонских монастырей.⁸⁶ Но в это время Феофан уже был на Соловках, где его поместили в Головленкову тюрьму, известную особой строгостью содержания. Вместе с ним в соловецком заточении находились еще два афонских монаха (Кирилл Ватопедский и Герасим Ксиропотамский), а также митрополит Гревенский Макарий и игумен Виктор из Лубенского Мгарского монастыря.⁸⁷

В Соловецком монастыре ссыльному святогорцу было запрещено “давать бумагу и чернила”, но этот запрет, по-видимому, нарушался.⁸⁸

⁷⁹ Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 22.

⁸⁰ РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 31.

⁸¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 91.

⁸² Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 27.

⁸³ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9 а, л. 89, 96–98.

⁸⁴ Из рукописей Е. В. Барсова (см. прим. 7) 28.

⁸⁵ Там же, 24.

⁸⁶ “Пишетъ же свѣтлое ти царство и о Феофанѣ архимандритѣ Коонстамонитском [так в ркп. – О. П.], како безчинно ходиль есть, и мы слышавше велми оскръбихомся о немъ, яко безчиние его на нас приходит. Что отвѣцати, не вѣмы! Точно якоже Богъ просвѣтит царское ти сердце, сътвори съ нимъ милость, подражая своего Царя Христа...” (Н. Гиббенет. *Историческое исследование дела патриарха Никона* 2 [СПб. 1884] 889).

⁸⁷ *Соловецкие акты* (см. прим. 9) 78–80, 95–100, 114–117; Чумичева (см. прим. 10) 161–163.

⁸⁸ В июле 1666 г. соловецкий келарь Савватий Обрютин и казначей Варсонофий жаловались царю на нарушения запрета строгого содержания соловецких заключенных, среди которых назван и “афонской архимандритъ лазутчикъ Феофанъ” (*Материалы для истории раскола за первое время его существования* / Под ред. Н. И. Субботина. 3 [М. 1878] 100–101).

Кроме того, ему разрешили выдавать душеполезные книги – Псалтырь и Патерик, в которых он оставил записи о себе.

Одна из них сохранилась на рисунке, сделанном по просьбе другого узника, чернеца Питирима, на чистом листе *Псалтыри следованной* (Сол., № 769/879, л. 732 об.). Рукопись эта была создана на Соловках в 70–80-е гг. XVI в. Ко времени прибытия Феофана в Соловецкий монастырь эта книга, по-видимому, считалась уже ветхой и ее не жалко было выдать узнику Головленковой тюрьмы. В конце рукописи помещен целый ряд календарно-пасхальных таблиц и несколько чистых листов. На одном из них афонский ссыльный нарисовал киноварью рисунок космологического содержания под названием “Печать царя Соломона” (рис. 2).

В центре рисунка изображен круг, внутри которого помещен магический квадрат с палиндромом: “rotas sator rotas sator” (представляющий сокращенную форму известного магического квадрата “sator agerepо tenet opera rotas”).⁸⁹ С внешней стороны круга изображены 12 колен Израилевых, вокруг нее – 7 планет: “Кронъ”, “Зевсь”, “Аррей”, “Афродита”, “Ермесь”, “Апполонъ” и неизвестный нам “Бириусъ”; вверху обозначены два светила – “Солнце” и “Луна”. Внутри круга сделана надпись: “Печать царя Соломона. Кто изочтет, премудръ буде(т)”. В другой надписи по краю круга указано: “† Сия печать Соломона царя, сына Давидова, царствовавшаго въ Израили лѣтъ 40”. Внизу рисунка стоит подпись: “Сию Печать написахъ азъ, Феофан, архимандрит Святой горы Афонския, в турмѣ сѣдя”; чуть выше продолжено: “завитом инока Питирима, тожде в турмѣ суща, в лѣто 7174 [1666]”.

По талмудической легенде, в этой надписи, вырезанной на перстне, царь Соломон скрыл премудрость, полученную им от Бога, дававшую ему власть над духами.⁹⁰ Согласно преданию, сохранившемуся в древнерусских рукописях (РНБ, Погод. № 1561), царь Соломон повелел добыть в Ефиопии драгоценный камень “афракс зеленый”, поместить его в перстень из чистого золота и “вырѣзать на нем печать сию, чтобы всегда взирати на него и на печать” и знать заранее, что случится в по-

⁸⁹ О магическом квадрате “Sator” см.: H. Hofmann. Satorquadrat // *RE Supplementband* 15 (1978) 478–565; F. Dornseif. *Das Alphabet in Mystik und Magie* (Leipzig – Berlin 1922). Об изображении “Сатор”-квадрата в древнерусской письменности см.: W. F. Ryan. Solomon, Sator, Acrostics and Leo, the Wise in Russia // *Oxford Slavonic Papers* 19 (Oxford 1986) 47–61; T. van der Baar. On the Sator formula // *Signs of Friendship: To Honor A. G. F. van Holk: Slavist, Linguist, Semiotician* (Amsterdam 1984) 307–316; Алфавит // *Православная энциклопедия* 2 (М. 2001) 61.

⁹⁰ И. Я. Порфирьев. *Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях* (Казань 1873) 71–76, 127; Д. А. Ровинский. *Русские народные картинки* (СПб. 1881) III, 187; IV, 581–586; V, 95.

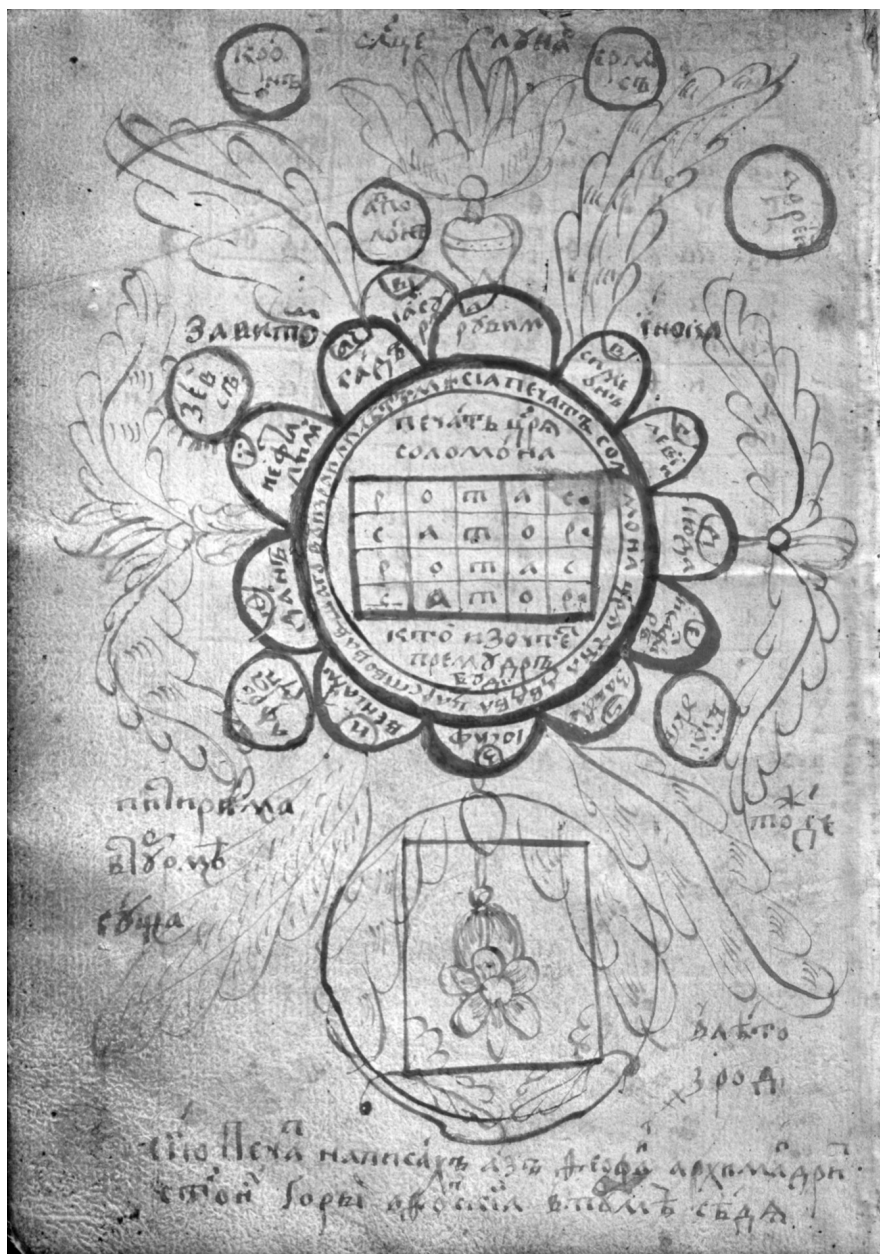

Рис. 2. "Печать царя Соломона".

Рисунок архимандрита Феофана в *Псалтыри следованной*,
выданной ему в соловецкой тюрьме
(Сол. № 769/879, л. 732 об.)

ходе или в сражении.⁹¹ Владевший тайной печати царя Соломона ставился, таким образом, обладателем сокровенных знаний.⁹²

В древнейшем славянском списке “Печати царя Соломона” (первой четв. XV в.), буквы “Сатор”-квадрата истолкованы как символическое обозначение гвоздей, вбитых при распятии в ноги и руки Христа.⁹³ В древнерусских рукописях XVI в. магический квадрат, именуемый “Печатью царя Соломона”, чаще всего помещали среди календарно-хронологических таблиц, которые использовали в пасхальных расчетах.⁹⁴ В соловецкой рукописи рисунок архимандрита Феофана также присоединен к комплексу календарно-пасхальных таблиц, но имеет иное – богословское – содержание.

Святогорец изобразил космологическую систему, состоящую из Солнца, Луны и 7 планет, которая основывается, очевидно, на сочинении Иоанна Дамаскина *Точное изложение православной веры*, но содержит по сравнению с ним две “лишние” планеты (“Аполлон” и “Бириус”). В трактате же Иоанна Дамаскина небесная сфера состоит из 7 поясов, в каждом из которых совершает течение одна из планет (Крон, Зевс, Арес, Солнце, Афродита, Гермес и Луна), причем Солнце и Луна входят в число указанных 7 планет (Кн. 2, гл. 6–7).⁹⁵

В целом рисунок Феофана свидетельствует о богословской эрудиции святогорца и о знакомстве его с античной культурой и подтверждает высказанное ранее предположение о том, что он, скорее всего, получил образование в одной из православных коллегий на Украине или в Молдавии.

Еще одной книгой, которую читал Феофан, находясь в соловецкой тюрьме, был *Скитский патерик* (Сол. № 648/706). В нем он также оставил записи о себе, желая, чтобы о его пребывании в Соловецком монастыре осталась хоть какая-нибудь память. А чтобы его записи не заметили тюремщики, он сделал их в недописанных строках книги (рис. 3 и 4).

⁹¹ А. И. Соболевский. *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы* (СПб. 1903) 428–433.

⁹² Одну из легенд, рассказывающую об изгнании неким Елеазаром злого духа из бесноватого после того, как к ноздрям его была приложена печать с корнем царя Соломона, приводит Иосиф Флавий в *Иудейских древностях* (VIII, 2, 5). В Древней Руси этот рассказ Иосифа Флавия был известен через посредство переводной *Хроники* Георгия Амартола (В. М. Истрин. *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе* 1 (Пг. 1920) 145.

⁹³ *Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века* (М. 1987) 559.

⁹⁴ Руан (см. прим. 89) 49; А. А. Романова. *Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв.* (СПб. 2002) 21, 82, 155, 178–179, 207, 248, 251–252, 257, рис. 32.

⁹⁵ Иоанн Дамаскин. *Точное изложение православной веры* (М. 1992) 34, 37.

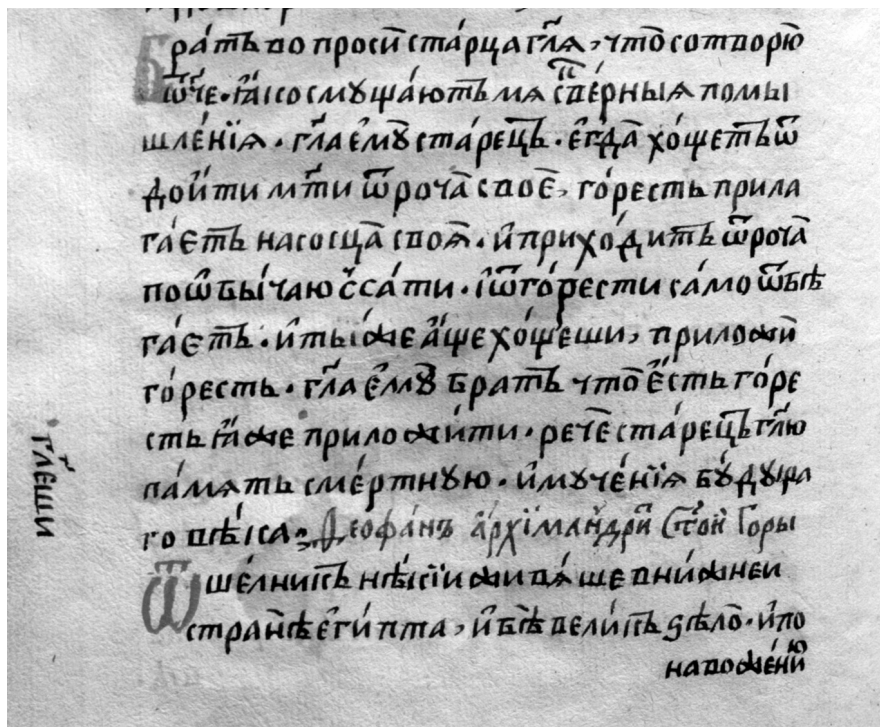

Рис. 3. Запись Феофана в пробеле недописанной строки
Скитского патерики (см. 3-ю строку снизу)
(Сол. № 648/706, л. 222 об.)

Начало записи он поместил на л. 222 об. (в свободном пространстве 3-й строки снизу): “Феофанъ архимандритъ Святой горы”. Окончание же ее находится на следующем листе: “в заточении сѣдя, чтох сию книгу” (6-я строка снизу).

Проведя два года в соловецкой тюрьме и не ожидая ни малейшего облегчения своей участи, Феофан решил бежать из монастыря. Узнав, что на материке ему придется иметь дело не только с русскими поморами, но и с жившими там карелами, он начал изучать карельский язык. Учителем его, по-видимому, был один из его соузников. На переплетных листах той же книги, выданной ему для чтения, Феофан стал записывать карельские выражения и слова с переводом их на русский язык: “вирита тули” – “зажги огонь”; “юмала апух” – “Бог на помощь”; “кази” – “кошка”; “койра” – “собака”; “гукка” – “волк”; “опаштати” – “учу”; “карлакси” – “по-корѣлску”; “кирюта” – “пиши” и т. д. (рис. 5). Отметим, что эти записи святогорца, включающие 80 словарных статей, являются древнейшим памятником лексикографии карельского языка.

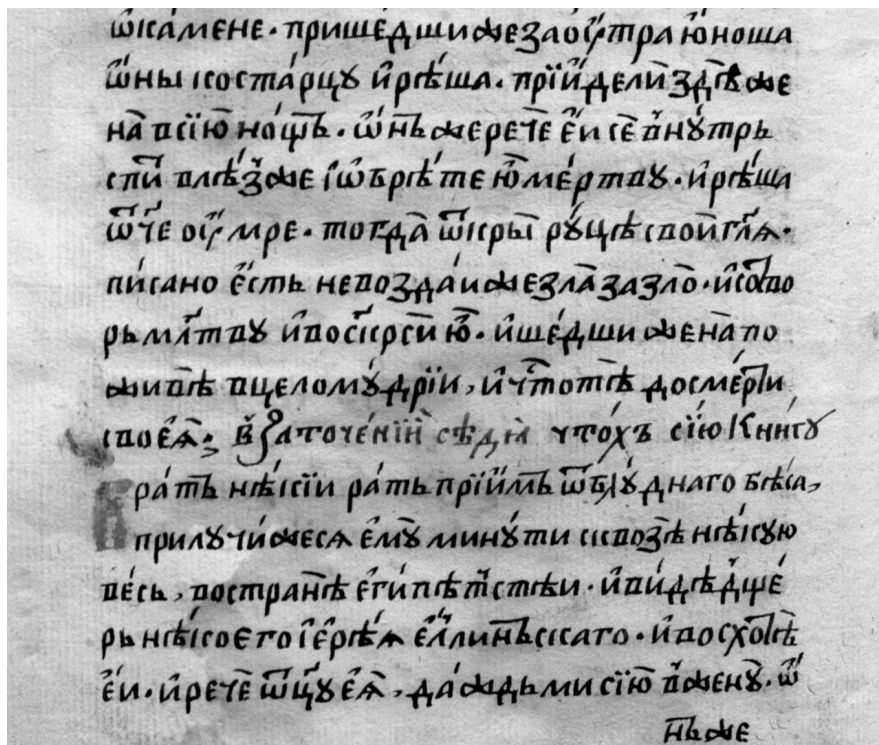

Рис. 4. Продолжение записи Феофана в пробеле недописанной строки *Скитского патерики* (см. 6-ю строку снизу) (Сол. № 648/706, л. 223 об.)

Еще одна запись была сделана им на последнем листе той же книги:

Многи скорби праведным, и отъ всѣхъ их избавит я Господь. Хранит Господь вся кости их (*Пс.* 33, 19–20) (рис. 6).

Очевидно, с этой надеждой на помощь Божию Феофан и решился на побег из соловецкой тюрьмы.

В ночь на 1 октября 1668 г., выломав окошко тюрьмы, архимандрит Феофан бежал вместе с двумя соузниками – новгородским попом Сысоем Андреевым и калекой Андреем Веревкиным, наказанным за убийство отсечением руки и ноги.⁹⁶ В октябре Белое море редко бывает

⁹⁶ Новгородский священник Сысой Андреев, как и Феофан, был сослан по делу патриарха Никона (Гиббенет [см. прим. 86] 114; *Дело о патриархе Никоне* [СПб. 1897] 181–190, № 41). О втором спутнике Феофана Андрее Веревкине стряпчий Игнатий Волохов рассказывал следующее: “У него одна рука осталась да голова, а то весь кругомъ за воровство обесеченъ; и тою одною рукою извошика зарѣзаль” (Чумичева [см. прим. 10] 61).

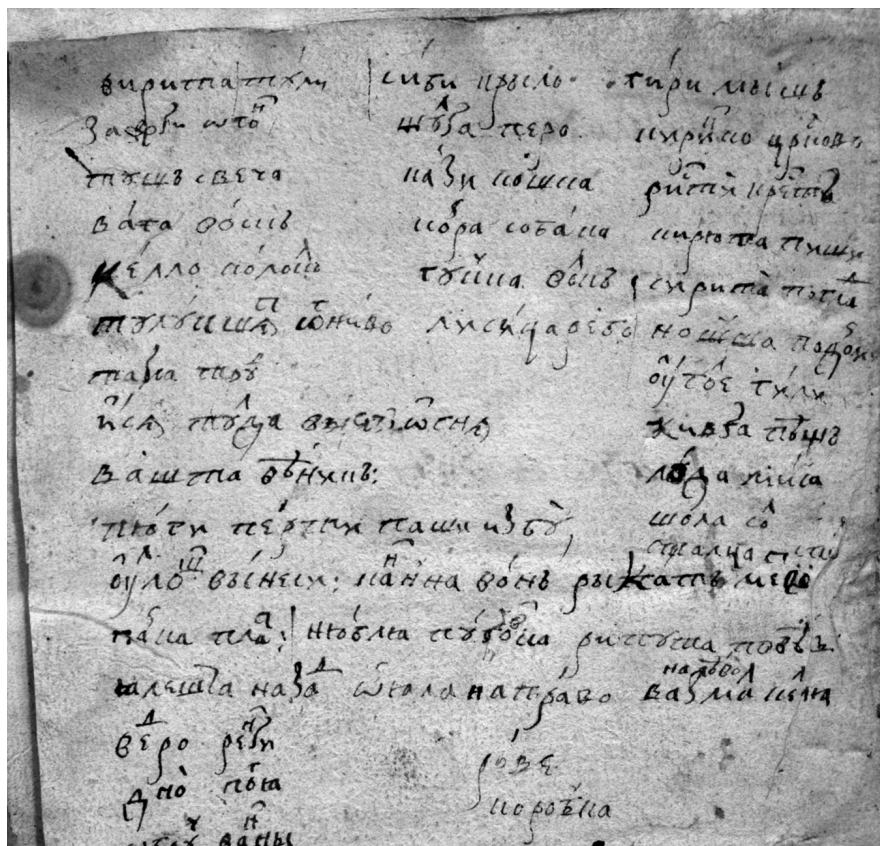

Рис. 5. Материалы карельско-русского “словаря”,
записанные Феофаном на переплетных листах *Скитского патерики*
(Сол. № 648/706)

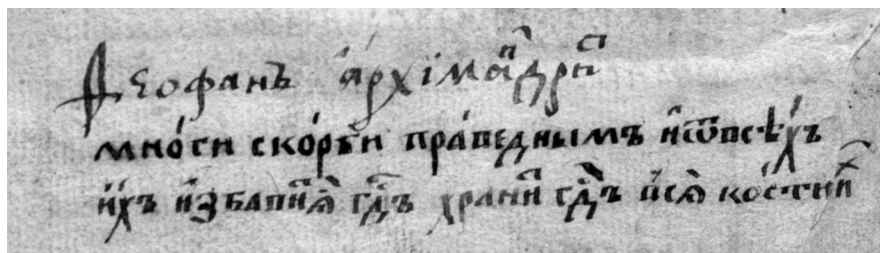

Рис. 6. “Многи скорби праведнымъ...” (Пс. 33, 19–20).
Запись Феофана на последнем листе *Скитского патерики*
(Сол. № 648/706, л. 272 об.)

спокойным, и погони за ними не посылали.⁹⁷ В январе 1669 г. жители Кеми нашли на Шуерецком острове обломки разбитого судна и тела двух беглецов – архимандрита Феофана и Андрея Веревкина (тело третьего узника унесло море). Обоих утопших доставили в Соловецкий монастырь и там похоронили. Так закончилось странствование святогорского архимандрита Феофана в Русской земле.

Что же осталось после пребывания его в России?

Сохранились многочисленные списки иконы *Троеручицы*, привезенной им патриарху Никону в Новый Иерусалим.⁹⁸ Дошел до нас его *Рассказ о святогорских монастырях и Изложение богослужебного устава Святой горы*.⁹⁹ Уцелели материалы карельско-русского “словаря” и загадочный рисунок в соловецкой Псалтыри. Наконец, сохранились записи на полях монастырских рукописей, напоминающие об этой странной судьбе, – малоросса, побывавшего за неполные сорок лет своей жизни духовником молдавского господаря, архимандритом афонского монастыря, узником Кирилловской и Соловецкой обителей и закончившего свой путь в студеной волне Белого моря.

О. В. Панченко

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)

The article deals with adventures of an Athos archimandrite Theophanes in Russia in 60ies of 17 century. Ukrainian by origin, he was a confessor of the Moldavian ruler, and then – archimandrite of the Kastamonitou monastery. When Theophanes came to Russia he took side of the disgraced patriarch Nikon. On suspicion of espionage in favour of the Polish king Theophanes was exiled to Solovki, which cost him his life. The author surveys Old Russian manuscripts, which contain Theophanes' works: a description of Athos' monasteries and his paper on the differences of monastic rules between the 'Holy Mountain' and Russia. The article also discusses Theophanes' astrological drawing the *Seal of Solomon*, a Karelian-Russian phrasebook compelled by him, and his letters to patriarch Nikon.

⁹⁷ РГАДА, ф. 125, 1668 г., оп. 2, д. 68, л. 1–2. Позже соловецкие власти писали в челобитной к царю от 16 июня 1669 г., будто в погоню за беглецами было послано 10 трудников, которые пропали в море (*Соловецкие акты* [см. прим. 9] 111–112; Чумичева [прим. 10] 191).

⁹⁸ Оригинал иконы, хранившийся в Воскресенской монастыре, считается утраченным.

⁹⁹ Текст *Изложения богослужебного устава Святой горы* готовится мною к публикации.